

Тазик

Лев Шлосберг* — о своем укладе в тюрьме. Продолжение дневников политического заключенного из Псковского замка

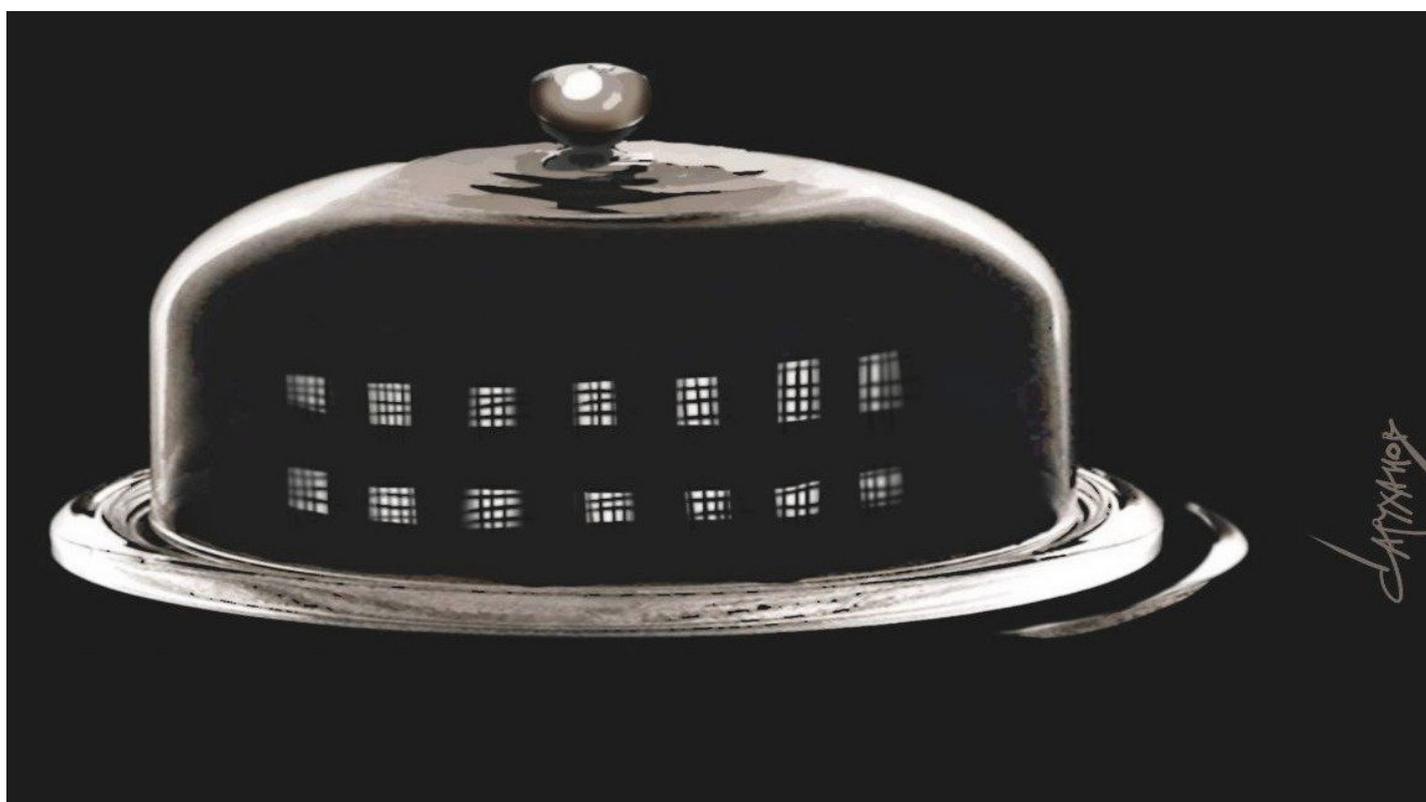

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

15:27, 17 февраля 2026,

Лев Шлосберг*

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ШЛОСБЕРГОМ ЛЬВОМ
МАРКОВИЧЕМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ШЛОСБЕРГА ЛЬВА МАРКОВИЧА.

Тюрьма — это механизм стандартизации жизни человека до деталей. Оказавшийся в тюрьме человек попадает в годами отлаженную систему, в которой практически каждый шаг предусмотрен, запланирован и рассчитан.

Человек в тюрьме может не проявлять никаких инициатив, не предпринимать никаких действий, и жизнь внутри тюремного механизма будет идти своим чередом, как идут, мерно тикая, заведенные надолго часы.

Жизнь в тюрьме рассчитана на отсутствие у человека своих представлений о содержании и ритме жизни. Можно не думать. Можно не задавать вопросы. Можно никак не организовывать свою собственную жизнь — она организована для всех заключенных в тюрьму. Нет необходимости проявлять волю, принимать собственные решения.

В такой ситуации, особенно если она становится длительной, у человека могут атрофироваться важнейшие качества и свойства личности — воля, мотивация, самостоятельность, ответственность.

Их невозможно с помощью какой-то кнопки отключить временно, чтобы потом включить снова. Неиспользование себя как личности, даже если это происходит какое-то ограниченное время, превращает человека из субъекта в объект, ставший предметом действия других людей и сил.

Чтобы не потерять себя, нужно создать такой собственный уклад жизни в тюрьме, который, не нарушая общего распорядка и не вступая с ним в противоречие, будет результатом собственных усилий, собственных решений, собственных действий. Образно говоря, это похоже на включение в общий большой механизм твоей собственной шестеренки, которая на ход этого механизма не влияет, но организует твою жизнь таким образом, что ты можешь сказать себе: «Это происходит потому, что я сам так решил и сделал».

Да, абсолютное большинство этих решений и действий связаны с распорядком жизни в тюрьме. Из вещей возможных, но необязательных, ты формируешь свой уклад жизни, и никто не может создать его, кроме тебя самого.

Девизом такого уклада можно поставить слова: «Могу не делать, но делаю». Потому что я так хочу, я так решил и так сделал.

Зарядка рекомендована, но не обязательна. Ты делаешь ее сам, и это открывает твой день. Простая гимнастика. Приседания, отжимания. Пресс. Планка. Через 15 минут тело готово к жизни. Баня — только раз в неделю, но каждое утро — мытье головы, обтирание тела и каждый вечер перед сном — теплая ванна для ног. Ты должен быть всегда чистым. Чувство чистоты — часть чувства собственного достоинства. После умывания — чай или молоко с овсяным печеньем из магазина тюрьмы. Это — мой

первый завтрак.

Стирка твоего белья зависит только от тебя. Чувство чистой одежды — это часть чувства чистого тела. Уже не помню, когда в последний раз я стирал вручную. Мы — потребители современной цивилизации — сталкиваемся со стиркой при нажатии двух кнопок стиральной машины: вкл. и выкл. В тюрьме я научился стирать светлое и темное в одной воде: сначала — светлое, потом — темное. Спасибо друзьям — прекрасный маленький чайник обеспечивает меня горячей водой для мытья и стирки. А бессмертный «АИСТ-универсал» я купил в магазине тюрьмы.

Да, это долго. Но процесс и результат приносят удовлетворение. Замачивание. Основная стирка. Три полоскания в теплой воде, два в прохладной. Готово. Горизонтальная труба отопления — моя великолепная сушилка. За несколько часов высыхает все, включая махровое полотенце и брюки.

Стирка вручную, как известно, — один из видов тактильной психотерапии. После долгого заседания Псковского областного суда 12 декабря, оставившего в силе постановление о моем заключении под стражу, я вернулся в камеру и почувствовал, что мне необходимо какое-то физическое действие, чтобы выпустить из себя негативную эмоцию. И я взялся стирать нижнее белье.

Свой уклад жизни в тюрьме складывается из деталей, важных только для самого человека.

Если ты привык бриться — надо бриться. Ты должен видеть свое лицо в осколке зеркала, врезанном в кафельную плитку над умывальником, таким, каким ты привык себя

видеть. Это не нужно никому, кроме тебя. Нужно уважать свое лицо, свои привычки и традиции.

Фото: Илья Московец /URA.RU / ТАСС

Заклученные обеспечены казенной посудой: алюминиевые миски трижды в день и под расписку — алюминиевая ложка и пластиковая кружка. Нет проблемы в том, чтобы пользоваться ложкой, которой ели тысячи ртов. Отмыл — и порядок. Но свой стол — это свой стол. Друзья передали мне набор пластиковой посуды, а новую алюминиевую ложку и новую кружку я купил в магазине тюрьмы. Потому что мой стол — моя радость.

Есть одежда для камеры, есть одежда для прогулок. В камере ты в домашних шароварах, на прогулку надеваешь брюки, хотя на улицу выходить не нужно — прогулочные «стаканы» примыкают к спальному корпусу. Просто привычка соблюдать

форму — часть твоего уклада жизни: дома — в домашнем, на улице — в уличном.

Прогулки в тюрьме вещь достаточно своеобразная.

Прогулочный двор — это каменный «стакан» примерно 3 x 5 м, на который вместо потолка переложена арматурная стена из толстых прутьев, на арматуру — сетка-рабица, над всем этим — кровля, между кровлей и внешней стеной «стакана» — решетка и колючая проволока-паутинка. Именно через них ты можешь видеть ту самую «полоску неба», о праве на которую писала Ева Меркачева. Если, конечно, место полоски неба не занимает стена соседнего здания.

Многие заключенные не любят прогулки в такой обстановке и отказываются от них. Я гуляю всегда. Прогулка — это движение. Прогулка — это свежий воздух, который, в отличие от «полоски неба», есть в прогулочном «стакане» всегда. «Стаканы» бывают пошире (почти до 4 м), бывают поуже (немногим шире 2 м). Ты «нарезаешь» эллипсы по «стакану», фоном звучат правила внутреннего распорядка следственных изоляторов или какая-нибудь FM-станция.

Часто сотрудник заглядывает до времени окончания прогулки (час) и спрашивает: «Домой или еще гуляешь?» — «Сколько осталось?» — «10 минут». — «Давай еще погуляю». И снова «эллипсы» по часовой стрелке.

Предмет особой заботы о чистоте — это камера, в которой ты живешь. В переписке с родными и друзьями я стал называть камеру комнатой. Да, если кто-то скажет, что камера — это не комната, пусть первым бросит в меня камень. Но не в

пересечении понятий дело. Камера — это место пребывания. Комната — это место жизни.

Первое, что я сделал в своей комнате (сначала — карантинной, потом — постоянной), — это отмыл все предметы в ней. В карантине — тряпкой для мытья раковины, доставшейся мне от предшественника, в постоянной комнате — купленной в магазине тюрьмы хозяйственной губкой. Кровать, включая второй ярус, на котором ты не спишь, но которого касаешься. Стол. Скамья. Полочка на четыре секции. Раковина. 12 белых кафельных плиток над ней, в одну из которых врезано зеркальце. Хозяйственная полочка-уголок над раковиной. Подставка для бачка с питьевой водой. Вешалка — металлический уголок с четырьмя приваренными крючками. Батарея. Трубы отопления. «Кормушка» в двери.

Уже во время нахождения в постоянной комнате друзья передали мне большую мягкую тряпку для мытья пола, и влажная уборка стала простой. По всем предметам нужно пройти своей рукой, буквально — вымыть свое внутреннее пространство своими руками. Это — часть того самого ощущения чистоты, которое помогает чувствовать себя в порядке.

С поддержанием чистоты бывают связаны курьезы. В новой комнате не оказалось пластмассового тазика, необходимого для мытья и стирки. Я удивился, потому что в карантинной камере он был — новенький, чистенький, недавно купленный. На первой же утренней поверке я сказал об этом сотрудникам. «Нет тазика?» — в голос удивились они и пообещали найти. На следующее утро я повторил просьбу. Наконец-то мне принесли тазик. Несомненно, когда-то он был однойцевым близнецом того красавца, который достался мне в карантине. Но жизнь обошлась с ним жестоко.

Невозможно предположить, что с ним делали, но в трех местах

извне его красные стенки были вдавлены внутрь, как будто его ставили на кривую раскаленную треногу. Может быть, беднягу использовали не только по назначению. Декоративные вставки в ручки были выбиты. С внешней стороны несчастный выглядел так, будто провел какое-то время на стройке. Представить, что я буду в этом изделии мыть голову (и даже ноги) и стирать белье, было невозможно. Максимум для мытья пола.

Фото: Сергей Фадеичев / ТАСС

Между тем время шло. Я заказал тазик в магазине тюрьмы (он был в прайсе). Но его не оказалось в наличии. Попросил друзей сделать передачу. Но тазик отказались пропустить в тюрьму как аглицкого шпиона — в списке предметов, разрешенных для передачи, тазика нет. Парадокс, конечно, тазик есть в перечне вещей, которыми должен быть в обязательном порядке обеспечен заключенный в тюрьме, но при его отсутствии в камере передать его заключенному с воли в неволю нельзя —

инструкцией Минюста это не предусмотрено.

На обходе заключенных заместителем начальника СИЗО я показал ему тазик со всеми следами перенесенных испытаний. «А что, хороший тазик! — сказал заместитель начальника СИЗО. — Дырок нет!»

Дырок в тазике на самом деле не было. Я рассказал о результатах моих усилий по поиску тазика. Замначальника подтвердил, что через передачу тазик не пройдет. «А если сделать имущественное пожертвование в СИЗО и передать тазик сюда?» — предложил я прекрасный, как мне казалось, выход. Замначальника понял меня мгновенно: «Так это мне надо собирать комиссию, принимать на баланс, назначать материально ответственного...» — по лицу заместителя начальника пробежала искренняя печаль. «Это МБП — малоценный и быстроизнашивающийся предмет, может быть списан в момент передачи в эксплуатацию», — аккуратно показал я свое знание баланса. Но заместитель начальника на это проявление мной бухгалтерской грамотности не реагировал и смотрел на тазик с нескрываемой уверенностью в том, что он со мной сработается. Тазик скромно стоял на полу и всем своим видом показывал, что если я хочу соблюдать чистоту, то никуда нам друг от друга не деться.

В тот же день я принял реальность, тазик был отмыт в нескольких горячих водах с помощью геля для мытья посуды и занял место в моем хозяйстве. Потому что чистота — залог порядка.

Но в каждую заявку в магазин тюрьмы я упрямо ставил тазик. И 20 января мое упорство было вознаграждено — мне принесли

блестящий, пластиковый тазик цвета ультрамарин.

Важной частью моего уклада жизни в тюрьме стала работа. Моя главная работа здесь — это написание писем. О письмах будет отдельный рассказ. Почти каждый день с 6.30 утра я работаю — пишу письма друзьям и совершенно незнакомым ранее людям, которые написали мне сами после моего заключения в тюрьму.

Ежедневная интеллектуальная работа формирует мой образ мыслей в тюрьме. Мне постоянно есть о чем думать, находить слова и писать — и это делает весь мой уклад жизни в тюрьме осмысленным и разумным.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Знак расставания с несвободой](#)

Лев Шлосберг* — о том, когда его тюрьма станет музеем

16:35, 14 января 2026, Лев Шлосберг*

[«СИЗО № 1. Лучшее место, чтобы остановиться»](#)

Лев Шлосберг* — о людях в тюрьме

10:59, 31 января 2026, Лев Шлосберг*